

Узнав, что Хан Сиэнь направился в резиденцию генерал-губернатора, Великий генерал Бай Вэньхань сразу почуял неладное. Сухие, скудные донесения наводили на мысль, что наследник отправился туда вовсе не с дружеским визитом. Напротив, он явно шёл нарываться на неприятности.

Бай Вэньхань прекрасно знал повадки генерал-губернатора Сицзяна Чжао Вэня. Стоило на границе начаться очередной мелкой стычке, как застоявшиеся в казармах воины рвались в бой, готовые хоть пятидесятитысячным войском раздавить наглецов. Однако Чжао Вэнь всякий раз тянул до последнего и лишь у самого края пропасти лениво приказывал бить в колокола и барабаны.

Пока конница гнала лошадей во весь опор, мародёры успевали нагрузить телеги добычей, и след их простывал. Стоило броситься в погоню — а враг уже за чертой, у себя дома, недосыгаем.

Защитникам рубежей оставалось лишь бессильно наблюдать за резнёй под самыми стенами города. От этой беспомощности зубы скрипели от ярости, до смерти хотелось перемахнуть через межу да устроить варварам кровавую баню, но приходилось стоять и смотреть.

По глубокому убеждению почтенного Чжао Вэня, действовать следовало с предельной осторожностью. Лучший исход, уверял он, — это спугнуть чужаков, не раздувая пламени войны. Великий генерал Лю Хучэн не раз из-за этого рвал и метал. Ладно, границу мы не пересекаем, воевать на чужой земле не лезем — но поднять тревогу вовремя, едва почуяв неладное, неужто так трудно?

Но достучаться до генерал-губернатора было невозможно. Тот упрямо твердил своё: порядок внутри городских стен — забота гражданской администрации, а всё, что творится снаружи, пусть расхлёбывает армия Сицзяна.

В Великой Чжоу испокон веков повелось разделять военную и гражданскую власть на границах. Чиновники и военачальники обязаны были приглядывать друг за другом, дабы не допустить сговора. Для престола это служило надёжным противовесом, а на деле — ущемляло права генералов.

Да и как иначе? Защитников рубежей народ любил беззаветно. Простому люду на окраинах империи порой дела не было до того, кто именно восседает на Драконьем троне в далёкой столице, но имя генерала, оберегавшего их дома от разорения, знал каждый ребёнок.

Получи военачальник в свои руки ещё и гражданскую власть — и малейший соблазн поднять мятеж мог обернуться катастрофой для всей страны. Во избежание смуты полномочия на рубежах делились строго пополам, связывая наместников по рукам и ногам взаимным контролем.

На первый взгляд — разумно, на деле — порождало бесконечные распри.

Расспросив о том, что устроил Хан Сиэнь у городских ворот, Бай Вэньхань немедленно собрал людей и поспешил к резиденции Чжао Вэня. Граница — место зыбкое. К делам на окраинах император относился с параноидальной подозрительностью. Любая искра могла разжечь в его душе пламя недоверия, ведь основатель нынешней династии и сам когда-то пришёл к власти на волне народного восстания.

Если Хан Сиэнь решится на самоуправство, не имея на руках императорского указа, государь ни за что не станет его выгораживать.

Хан Сиэнь не ведал о приближении Бая Вэньханя и уж тем более не разделял его тревог. Прямо сейчас он вместе с Пятым принцем, Цзи Хуаем, чинно сидел в гостях у Чжао Вэня и неторопливо потягивал чай. Бай Шу расположился чуть поодаль.

Сделав глоток, наследник недовольно поморщился. Чай оказался самым дешёвым, грубого помола — обычное пойло, какое на границе подают в любой придорожной лавке.

Это мимолётное проявление недовольства заставило Чжао Вэня, и без того сидевшего как на иголках, внутренне сжаться от дурного предчувствия.

Хан Сиэнь лениво огляделся. Конечно, резиденция генерал-губернатора уступала в изяществе столичным усадьбам, однако здешнее убранство отличалось своеобразным вкусом. В каждом элементе декора, в каждом деревце и кусте во дворе сквозил непривычный, чужеземный колорит.

И это при том, что Чжао Вэнь, едва прослышав о прибытии грозного столичного гостя, спешно велел припрятать всё самое ценное от греха подалее.

«Бережёного бог бережёт», — рассудил тогда генерал-губернатор. Но против богатого убранства резиденции не попрёшь, к тому же Чжао Вэнь потакал капризам своего "сердечного друга" — и как ни старайся наводить лоск скромности, чужеземный шик всё равно лез из всех щелей.

Раскаяние грызло Чжао Вэня изнутри. Стоило кочевникам отступить от ворот, как Хан Сиэнь с едва уловимой ухмылкой повернулся к нему:

— Господин генерал-губернатор, к слову сказать, я ведь так и не удостоил вашу резиденцию визитом. Буду ли я желанным гостем?

Разумеется, Чжао Вэнь мечтал провалиться сквозь землю, но под прицелом десятков глаз ему пришлось выдавить из себя вежливую улыбку:

— Разумеется, почту за честь. Однако...

Договорить ему не дали. Наследник радостно хлопнул в ладоши и прервал его на полуслове:

— Вот и славно! Зачем откладывать в долгий ящик? Едем прямо сейчас.

Чжао Вэнь опешил от подобной наглости. Пока он судорожно подбирал новые отговорки, Хан Сиэнь, иронично изогнув бровь, негромко рассмеялся:

— Или у вас возникли какие-то трудности? Если в резиденции сейчас не убрано, я вполне могу подождать пару дней.

У генерал-губернатора от ярости задёргались усы. С трудом сдерживая гнев, он нацепил фальшивую маску радушия:

— Наследник заблуждается, никаких неудобств. В таком случае я немедленно отправлюсь вперёд, дабы подготовиться к вашему визиту.

Хан Сиэнь опустил веки и небрежно бросил:

— К чему лишние хлопоты? Мне всё равно скучно, так что поедem вместе. Обставим всё попроще, по-семейному, посидим, побеседуем. — Он посмотрел на Чжао Вэня с подчёркнутым простодушием. — Надеюсь, господин генерал-губернатор не сочтёт мою навязчивость за дурные манеры?

Чжао Вэнь лишился дара речи.

«Раз знаешь, что это свинство, зачем напрашиваешься?!» — мысленно взвыл он, но вслух ничего подобного сказать не решился: положение обязывало держать лицо.

Сделав глубокий вдох, он процедил:

— Наследник прибыл из самой столицы по высочайшему повелению. О какой бестактности может идти речь?

Скрытую колкость Хан Сиэнь попросту проигнорировал. Широко улыбнувшись, он сделал широкий приглашающий жест рукой.

Когда они двинулись с места, шедший следом Бай Шу негромко, но твёрдо произнёс:

— Я с тобой.

Уголки губ Чжао Вэня нервно дёрнулись. Свежи ещё были воспоминания о том, как этот тип у ворот играючи раскидал варваров.

«Он что, мою резиденцию за логово тигра держит?» — раздражённо подумал он.

Тут подал голос молчавший доселе Пятый принц, Цзи Хуай. Смерив чиновника лукавым взглядом, он прищурился:

— Раз уж наследник Хан направляется к вам в гости, то и мне, пожалуй, негоже оставаться в стороне. Господин Чжао, не откажете ли в гостеприимстве и мне?

— Премного... премного рад, — выдавил Чжао Вэнь. Улыбка на его лице окончательно превратилась в судорожную гримасу.

На самом деле Цзи Хуай напросился исключительно из любопытства. Поведение Сиэня явно выходило за рамки приличий, и принцу до смерти хотелось посмотреть, какую кашу заварит этот столичный безумец и как именно он собирается её расхлёбывать.

Под бдительным, немигающим взором Хан Сиэня у генерал-губернатора не было ни единой возможности отправить слугу вперёд, чтобы предупредить домашних. Оставив половину столичной стражи дежурить у городских ворот, Сиэнь прихватил оставшихся бойцов и двинулся в путь.

На протяжении всей дороги Чжао Вэнь сидел в паланкине сам не свой. Чёткий, слаженный шаг конвоиров по обе стороны от его носилок казался ему маршем палачей, ведущих его на плаху. От этой мысли его прошибал холодный пот.

Он уже тысячу раз успел проклясть свою нерешительность. Знай он заранее, насколько этот столичный выскочка нагл и упрям, он бы распахнул эти треклятые ворота при первом же требовании, а сам бежал бы без оглядки на край света.

Увы, плакать по пролитому молоку поздно. Сейчас Чжао Вэнь молил лишь об одном: пусть этот демон поскорее уберётся из его дома. Он клялся себе, что готов будет до конца дней молиться на его портрет и возжигать благовония, лишь бы никогда больше не видеть его лица.

Однако надеждам его сбыться было не суждено. Хан Сиэнь со стуком опустил пиалу на столик и, слегка склонив голову набок, прищурился:

— Господин Чжао, а ведь усадьба ваша обустроена по образу и подобию чужих земель. Неужто в ваших покоях укрывается какой-нибудь заморский гость?

Цзи Хуай удивленно вскинул брови. На границе смешение стилей в архитектуре усадеб было обычным делом, и даже если у кого-то возникали подозрения, никто в здравом уме не стал бы

высказывать их столь прямолинейно и дерзко.

Однако, судя по безмятежному лицу Сиэня, тот ничуть не заботился о приличиях. Глядя на него, принц смутно начал догадываться, в чём крылся секрет столь быстрого раскрытия дел этим юношей: он попросту шёл напролом, наплевав на улики и условности.

Чжао Вэнь изменился в лице. Набывшись, он недовольно проворчал:

— Наследник Хан, следите за языком! Я — генерал-губернатор пограничных земель Великой Чжоу, с какой стати мне держать в доме чужеземцев? Да, среди вещей есть пара безделушек из Сижуня, но разве это преступление? На границе у любого бедняка найдётся заморский коврик или нож. Что же, по-вашему, тут каждый первый — предатель и изменник родины?

Выслушав эту тираду, Хан Сиэнь укоризненно покачал головой:

— Господин Чжао, я лишь высказал невинное предположение, а вы уже раздули из этого целое дело. Сразу заговорили о государственной измене... Какое тяжкое обвинение вы сами себе предъявили.

Чжао Вэнь с маху ударил ладонью по столу и вскочил. Лицо его налилось пунцовой краской:

— Наследник Хан! Я наслышан о вашей репутации и знаю, какими полномочиями вы наделены. Но запомните: здесь вам не изнеженный Цзяннань, а суровые рубежи! Я верой и правдой служу на этой заставе много лет, чист перед государем и предан простому люду. Гостям я всегда рад, но ежели вы пришли сюда сеять смуту, бросаться голословными обвинениями и оскорблять моё достоинство, то я укажу вам на дверь!

Чжао Вэнь выглядел на удивление величественно — образчик оскорблённой добродетели. Сиэнь терпеливо дождался, пока тот выговорится, и лишь тогда лениво откинулся на спинку стула, глядя на него снизу вверх:

— Господин Чжао, а вам известно, где сейчас находится чиновник, который последним смел говорить со мной в подобном тоне? Моё имя в народе действительно поминают недобрым словом, но в одном мне отказать нельзя: заговоры я чую за версту и ни разу в жизни не обвинил невинного.

Чжао Вэнь вскинул руку, собираясь кликнуть слуг.

В этот миг из-за стола поднялся Бай Шу. Не сводя глаз с Сиэня, он ровно произнёс:

— Из глубины сада доносится варварская флейта сяо. Мелодия слишком чистая и искусная. Так играют только в Сижуне.

Варварская флейта сяо была излюбленным инструментом кочевников — там каждый пастух умел насвистать пару мотивов, но столь тонко владели ею лишь истинные мастера из степей.

— Ложь! — взвизгнул Чжао Вэнь, багровея. Обернувшись к Сизню, он брызгал слюной от ярости. — Наследник Хан, неужто вы всерьёз намерены перевернуть верх дном мою резиденцию из-за вздорной выдумки вашего слуги? К тому же мы на границе! Здесь испокон веков торгуют с соседями. У кого из знатных людей в услужении нет пары-тройки рабынь из чужих краёв? Даже если это нарушает предписания, это обычное дело, дань привычке! Ежели вы вздумали под таким ничтожным предлогом очернить моё честное имя, видит Бог, я этого так не оставлю!

— И что же вы сделаете, господин Чжао? — В глазах Сизня блеснул холодный, опасный огонёк. — У меня ведь нет иных увлечений, кроме одного: докапываться до сути вещей. К тому же ещё минуту назад вы с пеной у рта доказывали, что в вашей усадьбе нет ни души из чужих земель. С чего вдруг запели иначе? И не нужно держать меня за дурака. Чтобы превратить резиденцию государственного чиновника в варварский шатёр, мало иметь служанок-чужеземок. Тут чувствуется рука любимой наложницы, которой потакают во всём. А ведь покорная служанка и зазноба сердца — вещи совершенно разные, не находит ли господин генерал-губернатор?

Сизнь повернулся к Бай Шу и коротко кивнул:

— Переверни там всё. Найди девку и приведи сюда.

— Хан Сизнь! Как ты смеешь! — Чжао Вэнь отбросил всякую вежливость. Его буквально трясло от злости. — Другие перед тобой трепещут, но меня ты не запугаешь! Попробуй только сунуться в мои личные покои, и мои личные гвардейцы быстро объяснят твоим столичным холуям, кто здесь хозяин!

Не успел генерал-губернатор закончить свою угрозу, как Бай Шу бесшумной тенью скользнул вперёд и мёртвой хваткой прижал его плечи к спинке стула.

Острая боль пронзила суставы Чжао Вэня — показалось, кости вот-вот хрустнут и сломаются. Из глаз брызнули слёзы. Но самым ужасным было то, что он не мог издать ни звука, точно онемел от сковавшего тело ужаса, парализованный ледяным, смертоносным взглядом стоявшего над ним воина.

Хан Сизнь рассмеялся. Из-под серебряной маски его смех доносился глухо и зловеще, отдаваясь эхом под сводами зала. Он хохотал долго, до рези в глазах, пока наконец не умолк.

Склонившись к побагровевшему чиновнику, он вкрадчиво проговорил:

— Господин Чжао, я — императорский инспектор, несущий волю самого государя. Ваша попытка угрожать мне оружием — это не что иное, как открытый бунт. Но ваши личные

гвардейцы присягали на верность императору, а не вам. С чего вы взяли, что они согласятся пойти на плаху ради вашего спасения? К тому же вы — генерал-губернатор приграничных земель. Вы годами не смели поднять клинок на заносчивых кочевников Сижуня, а теперь с лёгкостью обнажаете его против посланников престола. И всё ради того, чтобы уберечь пригретую на груди варварскую девку? Как у вас только язык повернулся произнести подобное?

Выпрямившись во весь рост, Сиэнь ледяным тоном скомандовал:

— Обыскать здесь всё. Всю ответственность я беру на себя.

Наблюдавший за этой сценой Цзи Хуай едва не лишился дара речи от столь стремительного поворота событий. Он ошарашенно переводил взгляд с Сиэня на распластанного в кресле губернатора. Подумать только: стоило телохранителю обронить одно слово — и наследник без тени сомнений скрутил высшего чиновника империи, а теперь среди бела дня собирается громить его личные покои, не имея на руках ни единой улики!

О дерзких и бесцеремонных методах расследования Хана Сиэня в столице слагали легенды, но увидеть это безумие воочию — совсем другое дело. Принц застыл, не в силах вымолвить ни слова.

Проводив взглядом отряд гвардейцев, устремившихся вглубь сада во главе с Бай Шу, Пятый принц наконец обрёл голос и тихо спросил:

— А если твой человек ошибся? Вдруг там обычная рабыня? Что ты тогда будешь делать?

Хан Сиэнь безразлично пожал плечами:

— Я доверяю его чутью.

А ещё больше он доверял самому себе. Грязные секреты, сокрытые в трусливой душе Чжао Вэня, уже давно были видны ему как на ладони.

Не скажи Бай Шу про флейту, Сиэнь всё равно нашёл бы повод перевернуть эту усадьбу вверх дном и вытащить скрывающихся там змей на свет.

Цзи Хуай лишь покачал головой, не зная, что и думать. Глядя на бесстрастное, холодное лицо Сиэня, он невольно задался вопросом: какое же выражение примет лицо императора, когда на его стол ляжет этот отчёт с дальних рубежей?